

Микроконцепт «мать» в поэтическом субпространстве Т. Шевченко

Марфина Ж.В.

Государственное образовательное учреждение
«Луганский национальный аграрный университет», Луганск

В статье рассмотрены контекстуальные связи названий родства в языковом творчестве Т. Шевченко в связи с вербализацией концептуального содержания одного из центральных понятий — «мать», в семантике которого переплелись мифопоэтический, народно-песенный, семейно-бытовой и индивидуально-авторский смыслы. Акциональное и оценочное воплощение слова-образа «мать» охарактеризовано как явление национальной украинской культуры в языковой картине мира восточных славян.

Цель исследования — используя методологию познания концептуально-знаковой природы номинации «мать», определить соотношение «нового» и «старого (традиционного)» в её поэтической семантике, конкретно-чувственном отражении эмоционального мира лирического «я» в поэтическом субпространстве Т. Шевченко, установить типические модели концептуализации одного из названий родства «мать» в корреляции с другими мифопоэтизмами.

Материал и методы. *Материалом послужили тексты поэтических произведений Т. Шевченко. Методика анализа основывается на моделировании концептуальных цепочек ({}), между компонентами которых устанавливаются стойкие семантические отношения (корреляция, отождествление, следствие, наложение и т.п. (передаются знаками ↔, ←, →, :, +)) и которые отражают определённые сценарии (мотивы) жизни человека в семье.*

Результаты и их обсуждение. *Выделены из шевченковского поэтического контекста концептуальные связи: мать — дитя, мать — дочь, мать — сын, отец — мать, мать — Бог, мать — Украина, мать — козак. Установлены внутренние микроконтекстные корреляции названий родства и опосредованных концептов. Выявлены особенности авторского восприятия словесного образа мать и его отношение к константам украинской речевой культуры.*

Заключение. *Сделан вывод, что микроконцепт «мать» в поэтическом субпространстве языкового творчества Т. Шевченко занимает одну из ведущих позиций. Как показали смоделированные концептуальные цепочки, в большинстве случаев посредниками кодирования контекстной семантики являются концепты-названия чувств, состояний, переживаний, что позволяет говорить как о конкретно-чувственном, так и о психоэмоциональном наполнении исследуемого микроконцепта. Его мифопоэтическая, народно-песенная и повседневно-бытовая составляющие находятся во взаимодействии, однако довольно чётко определяются в большинстве мини-контекстов.*

Ключевые слова: *концепт, названия родства, микроконцепт, концептуальная цепочка.*

(Ученые записки. — 2019. — Том 30. — С. 220–224)

Microconcept of the Mother in T. Shevchenko's Poetic Subspace

Marfina Zh.V.

State Educational Establishment "Lugansk National Agrarian University", Lugansk

The article deals with the contextual relationships of kinship names in the language creativity of T. Shevchenko in connection with the verbalization of the conceptual content of one of the central concepts — the Mother in the semantics of which mythopoetic, folk song, family and household and individual author's senses are interwoven. The action and evaluation embodiment of the word-image of the Mother is characterized as a phenomenon of national Ukrainian culture in the linguistic picture of the world of the Eastern Slavs.

The research purpose is using the methodology of cognition of the conceptual and symbolic nature of the nomination "mother", to determine the ratio of "new" and "old (traditional)" in its poetic semantics, specifically-sensual reflection of the emotional world of the lyrical "I" in the poetic subspace of T. Shevchenko, to establish typical models of conceptualization of one of the kinship names of the Mother in correlation with other mythopoetisms.

Materials and methods. *The material was texts of T. Shevchenko's poetic works. The method of analysis is based on modeling of conceptual chains ({}), between the components of which stable semantic relations are established (correlation, identification, consequence, overlap, etc. (transmitted by signs ↔, ←, →, :, +)) and which reflect certain scenarios (motives) of a person's life in the family.*

Findings and their discussion. *Conceptual links are distinguished from Shevchenko's poetic context: mother-child, mother-daughter, mother-son, father-mother, mother-God, mother-Ukraine, mother-Kozak. Internal micro-textual correlations*

Адрес для корреспонденции: e-mail: kvitkakvitka.2016@gmail.com — Ж.В. Марфина

---

of kinship names and mediated concepts are established. Features of the author's perception are established of the verbal image of the Mother and its attitude to the constants of Ukrainian speech culture.

Conclusion. It is concluded that the microconcept of the Mother in the poetic subspace of Shevchenko's linguistic creativity occupies one of the leading positions. In most cases, the mediators of coding contextual semantics are concepts of the names of feelings, states and experiences in the simulated conceptual chains. Therefore, we note the concrete-sensual (love, respect, sympathy, empathy), psychoemotional (friend-foe, alienation-proximity) filling of the studied microconcept. Its mythopoetic, folk-song and everyday semantics are mixed in general. However, they are clearly defined in most mini-contexts.

Key words: concept, the name of the kinship, microconcept, the conceptual chain.

(Scientific notes. – 2019. – Vol. 30. – P. 220–224)

В последние годы в лингвистике возрос интерес к вопросам национально-культурной специфики языковой картины мира, которая отображает представления о реалиях повседневного дискурса определённого этноса. К группе слов, представляющих данную специфику, принадлежит система названий лиц, в частности, названия родства (далее НР), которые учёные относят к «константам национальной культуры» [1, с. 7], о чём свидетельствует использование последних как в фольклорных, так и в литературных контекстах. Вырастая из мифологического, народно-песенного, устного фольклорного нарратива, украинская литературная традиция нового времени (с конца XVIII века) органично вовлекла в свой арсенал лексико-тематический блок НР. Концептуальными (ключевыми, показательными) стали НР и в языковом субпространстве основоположника украинского литературного языка – Тараса Шевченко (Кобзаря), а также в украинском поэтическом языке в целом.

Языковые особенности произведений Т. Шевченко были объектом исследования многих украинских учёных (И.И. Огиенко, В.И. Симович, Г.А. Левченко, Л.А. Булаховский, И.К. Белодед, В.С. Ващенко, В.С. Ильин, В.М. Русановский, С.Я. Ермоленко, Л.И. Мацько, Е.С. Регушевский, Т.В. Зайцева, Т.А. Коць, Г.М. Сюта, С.П. Бибик и др.). Они рассматривали индивидуально-авторский стиль Кобзаря и его роль в становлении украинского литературного языка, норм последнего, в том числе и эстетических, а также в развитии концептуально-знакового пространства языка художественной литературы. Отметим, что многие подчёркивали роль вербализаторов концепта «семья» в создании как народно-песенного образа отца-матери и их детей, а также как средства оценки интимных переживаний лирического героя как члена семьи, как частички своего рода, народа, Украины. Тем не менее целостной оценки функционально-семантических и семантико-стилистических трансформаций НР в языковом творчестве основоположника украинского литературного языка ещё не проводилось.

Цель исследования – используя методологию познания концептуально-знаковой природы номинации «мать», определить соотношение «нового» и «старого (традиционного)» в её поэтической семантике, конкретно-чувственном отражении эмоционального мира лирического «я» в поэтическом субпространстве Т. Шевченко, установить типические модели концеп-

туализации НР «мать» в корреляции с другими мифопоэтизмами – НР, словами-символами украинской народно-песенной и обрядовой культуры.

Материал и методы. Материалом послужил корпус поэтических контекстов Т. Шевченко [2]. Методика анализа основывается на моделировании концептуальных цепочек ({}), между компонентами которых устанавливаются стойкие семантические отношения (корреляция, отождествление, следствие, наложение и т.п. (передаются знаками ↔, ←, →, :, +)) и которые отражают определённые сценарии (мотивы) жизни человека в семье.

Результаты и их обсуждение. Внимание шевченковедов давно привлекают художественно-образные функции НР в творчестве Кобзаря. В.М. Русановский указывал, что данные номинации не просто являются часто употребляемыми, а относятся к так называемым «любимым словам» поэта [3, с. 224–226]. Многие исследователи (Ю.С. Гончар, Г.Ю. Грабович, В.И. Пахаренко, Вал.О. Шевчук, О.О. Черкас, О.В. Шаф) отмечают связь НР с темой-мотивом отцовства-материнства.

Одним из базовых в языковой картине мира Т. Шевченко является микроконцепт «мать» как компонент сложной иерархии макроконцепта «семья». Напомним, что именно благодаря символизации НР в поэзии («Садок вишневий коло хати») они стали соотноситься с языково-эстетическими знаками национальной идентичности, конкретно-предметным воплощением образа Украины.

Ностальгирующее настроение лирического героя, отбывающего наказание в казематах, – одна из причин психологической нагрузки НР – *мать, дочка, діточки, сем'я*. Словесный образ семьи нашёл поддержку как ценностно-аксиологический компонент произведения, отождествлённый с пониманием красоты семейной жизни, эстетики украинского сельского быта [4, с. 398], культурно-познавательных коннотаций целого произведения [5, с. 59]. Т. Шевченко нанизывает акциональные словесные образы (*ідуть дівчата, сем'я вечеря, дочка подає вечерю, мати навчає, поклади діточок, заснули*), образов же разговора и диалогов нет – лишь пение девочек, соловья и намерение матери заговорить с дочерьми. Все это происходит вокруг хаты в вишневом саду – мифопоэтического символа рая-пристанища семьи (концептуальная цепочка {[сім'я] ↔ [хата]}): *Снівають, ідучи, дівчата, / А матері вечерять ждуть. / [...] Сем'я*

вечеря коло хати, / Вечірня зіронька встас. / Дочка вечеряць подає, / А мати хоче научати, / Так соловейко не дає. / [...] Поклала мати коло хати / Маленьких діточок своїх, / Сама заснула коло їх. / Затихло все, тільки дівчата / Та соловейко не затих. Ср. такое наблюдение: «Хата в значении ‘семейного гнезда, пристанища семьи’ принадлежит к этическим народным ценностям: тут проходит жизнь поколений, передается опыт, действуют моральные законы» [5, с. 55].

Образ матери ассоциативно связан (хотя и в немногих произведениях) с картинами идиллической жизни, наполненной взаимопониманием, поддержкой и любовью (художественная конкретизация концептуальных цепочек {сивий дід} ← [игра = поучение] → [внук]; {мати-донька} ← [ЛЮБОВ] → [сивий дід] → [внук; дитина]): *Біленька хаточка. Сидить / Неначе й досі сивий дід / Коло хатиночки і бавить / Хорошее та кучеряве / Своє маленькеє внуча. / І досі сниться, вийшла з хати / Веселая, сміючись, мати, / Цілує діда і дитя...*

Много общего в различных мини-контекстах и в словесном образе «опытной» матери – *старої матері: Коло його стара мати / Сидить на ослоні. В то же время эпитет стара стимулирует сочувствие к судьбе одного из глав рода: Плаче стара мати, / Плаче жінка з діточками / В нетопленій хаті. / Сестра плаче, йде шукати / Братів на чужину...; Пішов козак світ за очі; Грає синє море, / Грає серце козацькеє, / А думка говорить: / «Куди ти йдеш, не спитавишиє? / На кого покинув / Батька, неньку старенькую, / Молоду дівчину? / На чужині не ті люди – / Тяжко з ними жить / Ні з ким буде поплакати, ні поговорити! Ассоциативно-образные связи в этой контекстуальной группе отражает концептуальная цепочка ({[дети] → [УВАЖЕНИЕ, СОЧУВСТВИЕ, СОПЕРЕЖИВАННЯ] → [старая мати]}), которая отличается эмоциональностью, экспрессивностью.*

Эпитетный ряд к слову «мать» (*сердешная, немоцна, одна-однісінька, чорніше чорної землі*) передает сочувственное отношение к матери-крестьянке, матери-крепостной, подневольной женщине, к её нелёгкой судьбе ({[мати] ↔ [ОДИНОЧЕСТВО, ПЕЧАЛЬ, НЕМОЩЬ]): *Ніби в хаті, / На холоді сердешна мати / Під тинном знай собі сидить. / Стара неначе одуріла; Дивлюсь – твоя, мій брате, мати, / Чорніше чорної землі, / Іде, з хреста неначе знята; Мені приснилось: ти вже мати, / Не в аксамиті, не в палатах / Твоє голоднеє дитя... / А ти осталась на землі / Одна-однісінька; з тобою / Єдинеє добро було – / Твоє дитя, [...] Оперилось, і ти осталась / Стара і немоцна. Характерологический эпитет «чорніше чорної землі» впоследствии стал маркером человека как такового в творчестве Шевченко, приобрел статус самоцитаты [6, с. 82–83].*

Акциональное содержание микроконцепта «мать» связано с молитвой, пеленанием, наставлением и встречей возвращающегося ребёнка, приглашением к столу, плачем в ожидании кого-либо из детей, например: *У те, де мати повивала / Мене малого і вночі / На свічку Богу заробляла; / Поклони тяжкїй б'ючи, / Пречистїй*

*ставила, молила, / Щоб доля добрая любила / Її дитину; Подибала стара мати / Доню в полі доганяти... / І догнала, привела; / Нарікала, говорила; Не покличе стара мати / Вечеряти в хату. Простой бытовой лексикон чётко определяет роль матери и её неотступность от своих обязанностей относительно родившегося ребёнка: *І у хаті, і надворі, / І коло скотини, / Увечері і вдосвіта; А коло дитини / Так і пада, ніби мати; / В будень і в неділю / Головоньку йому змиє. В связи с отмеченным семантическим наполнением концептуальной взаимосвязи «мать – дитя» следующее: {[мати] → [ЗАБОТА; ОБЕРЕГ; ВСКАРМЛИВАННЯ] → [дети]}.**

Словесный образ матери-плакальщицы, страждущей матери повторяется в поэтической речи Кобзаря: – *Так, мамо, так. – І знов ходила, / А мати плакала, ждучи; І розкажу я людям горе, / Як тая мати ріки, море / Сльози кровавої лила, / Так, як і Ти. Автор усиливает образ слёз, плача с помощью метафоры – *реки, море слёз* (концептуальная цепочка {[мати] → [ПЛАЧ] → [дети]}).*

Трагические конкретно-чувственные образы, связанные с матерью, в нескольких шевченковских контекстах актуализируются при помощи синтаксического параллелизма, который обеспечивает психоэмоциональное напряжение, придаёт образам масштабность, поскольку социальные проблемы семьи интерпретируются в связи с аномалиями в природной среде (взаимодействие трёх концептуальных цепочек: (1) {[ВЕТЕР] → [ламати = умирать] → [ДУБ]} ↔ (2) {[МАТЬ] ← [СМЕРТЬ] ↔ [МОГИЛА] → [ДИТИНА] → [один, сам, одиночество]} ≠ (3) {[мати] ↔ [ДИТИНА] ↔ [отец]}), ср.: *То не вітер, то не буйний, / Що дуба ламає; / То не лихо, то не тяжке, / Що мати вмирає; Не сироти малі діти, Що неньку сховали: Їм зосталась добра слава, Могила зосталась [...] А тому, тому на світі, що йому зосталось, / Кого батько не бачив, / Мати одиуралась? Пожалуй, это один из наиболее сложных с точки зрения отражения лингвофилософии семьи образ, в котором воссоединены и мифопоэтическое, и повседневное семейно-бытовое, и личностно-интимное восприятие жизни.*

«Мать и дитя» – наиболее почитаемый, интимизированный, с коннотацией благословления (ср. микроконтекстную сочетаемость с библейскими названиями *рай, сад, Божий*) образ в анализируемом контексте: *Ох, діти! Діти! Діти! / Велика Божа благодать!; У наших раї на землі / Нічого кращого немає, / Як тая мати молодая / З своїм дитяточком малим; Мов яблучко у садочку, / Кохалась дитина. В единстве с суперлативом «Нема нічого кращого» одно из суждений приобретает экспрессивно-оценочную окраску. В целом же высказывание «Нічого кращого немає, / Як тая мати молодая / З своїм дитяточком малим» вошло в цитатный тезаурус украинцев, в основу этнокультурных знаний [6, с. 205–206]. Ассоциативно-образное наполнение этого образа отражает концептуальная цепочка {[БОГ] → [МАТЬ – ЛЮБОВЬ, РАДОСТЬ] → [ДИТЯ]}. В приведённых поэтических контекстах максимально совмещены библейско-христианское и семейно-бытовое семантическое наполнение словесных образов. Связь образов*

Бога и селянина, Божьей Матери – хозяйки отмечалась ещё на материале украинского песенного фольклора [7, с. 304]. Тут мы видим конкретное воплощение романтизма, объединившего духовное и материальное в женском начале, синкретизм библейского и народного.

Тема-мотив материнства в художественном творчестве Т. Шевченко разворачивается и через словесный образ взаимоотношений матери и сына как продолжателя рода. В исключительно народно-песенной традиции знакомит поэт читателей с персонажами своих поэм: **Породила мати сина / В зеленій діброві, / Дала йому карі очі / І чорнії брови; Пишалася синами мати, / Синами вольними... Росли, / Росли сини і веселили / Старії скорбнії літа...; А буде син, і буде мати, / І будуть люде на землі.** Последнее утверждение имеет сакральные ассоциации с изображением матери-мадонны с дитём на руках ({[Мать] ↔ [Сын]}).

Широко известен индивидуально-авторский эпитет матери – *добрая*, воплощающий глубину отношения сына к родительнице: *Там матір добрую мою / Ще молодую – у могилу / Нужда та праця положила. / Там батько, плачучи з дітьми / (А ми малібули і голі), / Не витерпів лихої долі, / Умер на паницині!*

Мотив ожидания матерью сына представлен как диалектика отношений: одинаковые ли чувства-переживания у матери и невесты? Идиллическую ситуацию подчёркивает народно-песенный параллелизм – ждут и мать, и девушка: *Понад ставом увечері / Хитається очерет. / Дожидає сина мати / До досвіта вечерьть. / Понад ставом увечері / Шепочеться осока. / Дожидає в темнім гаї / Дівчинонька козака.* Вместе и в то же время по-разному мать и девушка плачут-тоскуют по парню-казaku: *Плаче мати одна в хаті, / А дівчина в гаї. / Поплакала чорнобрива / Та й стала співати; / Поплакала стара мати / Та й стала ридати.* И для матери – это невыразимое горе, а для девушки молодой – свет клином не сошёлся, для неё жизнь продолжается, будет ещё на её жизненном пути любовь, будет чернобровый. Концептуальную связь в таком контексте можно представить следующей схемой: {[Мать] ↔ [ожидание сына] : [ожидание жениха] ↔ / ≠ [Невеста]}.

Единоначалие какого-либо рода воплощает народно-поэтическая номинация *батько-мати*. Она в поэзии Кобзаря также актуализирована: с её помощью лирический герой выражает глубину философского обобщения роли и отца, и матери одновременно в жизни человека (концептуальная цепочка {[отец-мать] → [МОЛИТВА] → [ДОЛЯ] → [дитина] ≠ [ПОСЛУШАНИЕ] → [отец-мать]}): *І молилась, і ридала, / Кляла все на світі. / Ох, тяжкі ви, безталанні / У матері діти! / Не слухала Катерина / Ні батька, ні няньки, / Полюбила москалика, / Як знало серденько.* Разность мировосприятия, жизненного опыта отмечена в восприятии отца-матери, чужих законы семейного бытия, как чужих: *Хто спитає, привітає / Без милого в світі? / Батько, мати – чужі люди, / Тяжко з ними жити!* ({[отец-мать] ↔ [ЧУЖОЙ] ↔ [дитина] → [отец-мать]}). Полнота мироощущения любящего именно в единстве полноты

семьи, уважения к родителям и взаимной любви с милым ({[дочь] ← [ЛЮБОВЬ] : [отец-мать] → [ОТЧУЖДЕНИЕ] → [дочь] → [отец-мать]}): *Не щечебе соловейко / В луці над водою, / Не співає чорнобрива, / Стоя під вербою, / Не співає – сиротою, / Білим світом нудить: / Без милого батько, мати – Як чужій люди, / Без милого сонце світить – Як ворог сміється.* Отсутствие родителей – синоним одиночества ({[дівчина-пташка] ≠ [отец-мать] → [ОДИНОЧЕСТВО]}): *Така її доля... О Боже мій милий! / За що же ти караси її, молоду? / За те, що как щиро вона полюбила / Козацькі очі?... Прости сироту! / Кого ж її любити? / Ні батька, ні няньки, / Одна, як та пташка в далекім краю.*

Батько-мати как хранители рода, традиций народа, этноса стоят на страже Судьбы дочери, оберегая от несчастной любви (библейное архетипическое слово-символ *сад*) ({[дочь] ← [ЛЮБОВЬ] ← [отец-мать] в Саду-раю}): *Полюбила би я, / Одружилась би я / З черобривим сиротою, та не воля моя! / Батько, мати не сплять, / На сторожі стоять, / Не пускають саму мене / У садочок гулять; Тече вода край города. / Вода ставом стала. / Прийшло дівча воду брати, / Брало, заспівало. / Вийшли з хати батько й мати / В садок погуляти, / Порадилися, кого б то їм / Своім зятем звати?*

Матір – учитель для дочери и сберегатель рода ({[мать] = [УЧИТЕЛЬ] → [дети]}): *Стовп високий муровали, / Щоб про неї люде знали, / Дітей своїх научали, / Щоб навчалися дівчата, / Коли не вчить, мати; На улиці невесело, / В хаті батько лає, / А до вдови на досвітки / Мати не пускає. / Що ж мені робити, / Де мені подітись? [...] Скажи йому: сватай мене / Або одчепи-ся!.. / Бо як мені у матері... / То лучшше топиться.*

В эпических произведениях Т. Шевченко 40-х годов XIX века прослеживается чёткое соблюдение одного из канонов романтизма – внимание к этнографическим деталям. Так же, как в поэме «Катерина», в «Тополе» в разговоре с матерью дочь выражает неповиновение, не хочет быть с нелюбимым, готова умереть и приказывает матери ({[мать] → [ДОЛГ] → [замужество дочери] : [дочь] → [неповиновение]}): *Рушниками, що придбала, / Спусти мене в яму. / Нехай попи заспівують, / А дружки поплачуть.* Относительно такого соединения НР мать – дочь В.М. Русановский отмечал, что они включены в семантическое поле ограниченной воли, даже насилия [3, с. 225]. Основное своё предназначение мать видит в том, чтобы женить сына (*Найду тобі рівню / Хоч за морем синім*), чтобы радоваться потом, живя в его доме-рае: *По світлиці походжає, / Як пава, як пані, / Та з тобою розмовляє. / В хаті, як у раї! / А я сиджу на покуті, / Тільки поглядаю.* В таком контексте прослеживаем противоположное приведённому выше эмоциональное содержание концептуальной цепочки {[мать] → [ДОЛГ] → [сын] → [женитьба сына] → [повиновение]}.

Родители – основа материального и духовного благосостояния детей, что воплощает Т. Шевченко, ощущив на собственном жизненном опыте, в художественной трансформации эмоциональной оценки сиротой

похвалы обновлениями во время Пасхальных дней. В приведённом контексте противопоставлены не только лексемы с глагольной семантикой, но и местоимения (*мені – я*): *На Великдень на соломі / Проти сонця діти / Гралась собі крашанками, / [...] Одна тільки / Сидить без обнови / Сиріточка, рученята / Сховавши в рукава. / – Мені мати купувала. / – Мені батько справив. / – А мені хрещена мати / Лиштьє вишивала. / – А я в попа обідала. – / Сирітка сказала.* Эту стереотипную ситуацию отражает концептуальная цепочка {[родители] → [праздник – подарки] → [дети]}.

В отличие от народно-песенной и народно-разговорной традиции, поэтическое творчество основоположника украинского литературного языка демонстрирует образное употребление НР, т.е. переводение части общеупотребительной лексики в статус понятий, ассоциативно связанных с некоторой реалией; нейтральное повседневно-бытовое приобретает коннотацию интимности, ласкательности, позитивности. Это одно из проявлений языкового эстетического кредо писателя, о котором он заявил в предисловии к «Кобзарю» 1847 года: повышение уровня национальной литературы через глубинное познание жизни народа [8, с. 21]. О такой особенности употребления НР в творчестве Кобзаря говорил ещё И.Я. Франко, который писал, что мать и сын, братья, отец и сын – всё это члены семьи, основа общества [9, с. 115–116].

Прежде всего, подобные изменения в ассоциативно-образной нагрузке НР связаны с особенностью поэтического мышления автора, вобравшего мифопоэтические константы: он опирается в литературном творчестве на знакомые читателям ассоциации из повседневно-практического опыта. Поэтому в сравнении матери, пеленающей дитя, объектом выступают астральные тела солнце и облака (*За сонцем хмаронька пливе, / Червоні поли розстилає / І сонце спатоньки зове / У синє море: покриває / Рожевою пеленою, / Мов мати дитину*). Трансформируются и традиционные концептуальные связи: {[мать] / пеленает/ [дитя] = [тучка] / накрывает/ [солнце]}.

Кроме живописных красочных образов, НР *мать* включено в сопоставление с чем-то, кем-то родным, близким – с темпоральным образом ночи, приобретающим в структуре приложения психологическую окраску: *Нехай, кляті, бенкетують, / Поки сонце зайде, / А ніч-мати дасть пораду – / Козак ляха знайде.* Ср.: {[ночь] ↔ [СВОЙ] ↔ [мать]}.

НР *мать* (*ненька*) также придаёт социальному образу Украины, казацкой Сечи, интимную окраску: *Бідна моя Україно, / Стоптана ляхами! / Україно, Україно! / Ненько моя, ненько! / Як задаю тебе, краю, / Заплаче серденько...; / Ой Богдане! / Нерозумний сину! / Подивись тепер на матір, / На свою Вкраїну, / Що, колишучи, співала / Про свою недолю; / Як мандрували день і ніч, / Як покидали запорожці / Великий Луг і матір Січ, / Взяли з собою Матер Божу, / А більш нічого не взяли.* Ср.: {[Украина] ↔ [СВОЙ] ↔ [мать]}.

Микроконцепт «мать» включён в философские размышления о сущности бытия, предназначении человека: сакральное (Матерь Божья) и обыденное (мать) слились во внутренней форме одной из предложений: *Нащо нас мати привела? / Чи для добра? Чи то для зла?.* Ср.: {[Божья Матерь] ↔ [СВОЙ] ↔ [мать]}.

Индивидуально-авторским является сравнение звуков оружия казака, с которым он никогда не разлучается во время службы, с плачем матери; приведённое сравнение синкретизировано с антропоморфизацией предметного мира: *Як положать отамана / В новій хаті спати, / Заголосить, як та мати, / Голосна гармата.* Ср.: {[звук оружия] ↔ [СВОЙ] ≈ [мать]}.

Заключение. Таким образом, микроконцепт «мать» в поэтическом субпространстве языкового творчества Т. Шевченко занимает одну из ведущих позиций. Как показали смоделированные концептуальные цепочки, в большинстве своём посредниками кодирования контекстной семантики являются концепты-названия чувств, состояний, переживаний. Следует обратить особое внимание на конкретно-чувственное (любовь, уважение, сочувствие, сопереживание), психоэмоциональное (свой – чужой, отчуждение – близость) наполнение исследуемого микроконцепта; самооценка матерью своего состояния или отстранённое восприятие подчёркивает, что она в большинстве случаев переживает одиночество, печаль, немощь. В трансформированных шевченковских образах микроконцепт «мать» выполняет функцию опосредования в восприятии лирическим героем пейзажей, Украины, предметного мира. Мифопоэтическая, народно-песенная и повседневно-бытовая семантика микроконцепта «мать» смешаны в целом, однако чётко определяются в большинстве мини-контекстов.

Литература

1. Кононенко, В.І. Українська лінгвокультурологія: нариси / В.І. Кононенко. – Київ: Довіра, 2007. – 262 с.
2. Конкорданція поетичних творів Тараса Шевченка = A Concordance to the Poetic Works of Taras Shevchenko / ред.-упоряд. О.С. Ільницький, Ю. Гавриш; University of Alberta. – New York: Shevchenko Scientific Societi; Edmonton; Toronto: Canadian inst. of Ukrain. studies press, 2001.
3. Русанівський, В.М. У слові – вічність: Мова творів Т.Г. Шевченка / В.М. Русанівський. – Київ: Наук. думка, 2002. – 239 с.
4. Дзюба, І.М. Тарас Шевченко. Життя і творчість / І.М. Дзюба. – Київ: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2008. – 718 с.
5. Єрмоленко, С. «Садок вишневий коло хати» – символ української ідентичності / С. Єрмоленко // Культура слова. – 2014. – Вип. 80. – С. 50–59.
6. Сютя, Г. Самоповтори в поетичній мові Тараса Шевченка / Г. Сютя // Культура слова. – 2014. – Вип. 80. – С. 79–89.
7. Данилюк, Н.О. Поетичне слово в українській народній пісні / Н.О. Данилюк. – Луцьк: РВВ Волин. нац. ун-ту ім. Лесі Українки, 2010. – 511 с.
8. Коць, Т.А. Тарас Шевченко і становлення літературної норми / Т.А. Коць // Культура слова. – 2014. – Вип. 80. – С. 20–32.
9. Франко, І. «Наймичка» Т. Шевченка / І. Франко // Франко, І. Твори: в 20 т. – К., 1955. – Т. 17. – 321 с.

Поступила в редакцію 16.12.2019